

МАЙКЛ МОРПУРГО

В ОЖИДАНИИ
АНИ

Санкт-Петербург

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
М 79

Michael Morpurgo
WAITING FOR ANYA

Text copyright © Michael Morpurgo, 1990
All rights reserved

Перевод с английского *Анны Олефир*

Серийное оформление и оформление обложки *Татьяны Павловой*

© А. А. Олефир, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17262-3

*Северине,
которая очень помогла мне с этой книгой*

*Также я благодарю Джо Кустера,
Жана Кустера, Жильберту Тинторер;
Франсуа Тресарика, бывшего мэра Лескёна,
и мадам Тресарик;
Доминика Круапекаскада, пастуха
из того же Лескёна,
и Лорана Ассеркэ Лапассá*

ГЛАВА 1

Ох, не стоило Джо ложиться. Ведь сколько папа ему говорил: «Выстругивай палку, Джо, собирай ягоды, ищи своего орла, если уж тебе он так нужен, — только занимайся чем-нибудь. Вот сидишь ты на склоне без всякого дела; утреннее солнышко пригревает, кругом овечьи колокольчики звякают — невозможно не задремать. Нужно всё время занимать глаза, Джо: если глаза чем-то заняты, они не дадут мозгам уснуть. И что бы ты ни делал, Джо, никогда не ложись. Садись, но не ложись». Джо прекрасно всё это знал, но сегодня он был на ногах с полшестого утра и уже успел подоить сотню овец. Он вымотался, да и овцы

вроде бы так мирно и спокойно паслись на лужайке внизу. Руф валялся рядом, положив голову на лапы и наблюдая за овцами. Двигались только его глаза.

Джо снова улёгся на камень и стал смотреть на жаворонка, взмывающего в вышину, а потом задумался, почему это жаворонки всегда поют, когда светит солнце. Издалека доносился звон колоколов из церкви Лескёна, но совсем тихо, едва слышно. Лескён, родная деревня Джо, его долина, где люди жили ради своих овец и коров — а также за счёт них и вместе с ними. Половина каждого дома была отдана домашнему скоту: маслобойня и сыроварня внизу, сеновал наверху, а перед крыльцом — обнесённый невысокой каменной стеной двор, служивший постоянным овечьим загонем.

Для Джо деревня заключала в себе весь его мир. За свои двенадцать лет он всего пару раз выезжал оттуда, и то один из них — до железнодорожной станции, чтобы проводить отца на войну. Они все ушли — все мужчины, кто был не слишком молод и не

слишком стар. Разбить бошей¹ — дело недолгое, так что скоро все снова будут дома. Но когда стали приходить новости, они оказались плохими — такими ужасными, что и поверить невозможно. Сначала пошли слухи об отступлении, потом о разгроме, о том, что французские войска распущены, а английские выдворены за море. Джо поначалу не верил ни во что такое — и никто не верил, — но однажды утром он увидел у Мэрии, как дедушка плачет прямо на улице, и пришлось поверить. Потом в деревне узнали, что отец Джо в плену в Германии, как и все остальные, кто ушёл из их деревни, — кроме Жана Марти, кузена Жана: он уже никогда не вернётся домой. Джо лежал в постели и пытался представить лицо Жана, но не мог — зато вспоминался его сухой кашель и как он бежал по горам — не хуже оленя. Только Юбер, деревенский великан, умел бегать быстрее, чем Жан. Ума у Юбера Сартоля было как у ребёнка, и говорить он умел не больше

¹ *Боши* (Boche) — презрительная кличка немцев, используемая французами во время Первой и Второй мировой войны.

пяти разборчивых слов. В остальном его речь походила на смесь рычания, кряхтения и кваканья, но каким-то образом ему удалось объясняться так, чтоб его понимали. Джо вспомнил, как рыдал Юбер, когда ему сказали, что его не возьмут в армию вместе с остальными. Колокола Лескёна и овечьи колокольчики сплетались в убаюкивающую мелодию, унося Джо в сон.

Такому псу, как Руф, не приходилось часто лаять. Он был здоровенной белой горной овчаркой, уже немолодой, и ноги у него гнулись плоховато, но он по-прежнему оставался лучшим и самым сильным псом в деревне и знал это. Однако сейчас он лаял — хрипло, порывкая, — и этот лай тотчас разбудил Джо. Мальчик сел. Овец не было видно. Руф ещё раз рыкнул откуда-то из-за спины Джо, с опушки. Овечьи колокольчики заполошно звенели, пронзительное блеяние больше походило на вопли. Джо вскочил и свистнул Руфу, чтобы тот гнал овец назад. Они выбежали из леса врассыпную и помчались, подскакивая, вниз по склону, к Джо. Сперва ему показалось, что там, на краю леса, застря-

ла одинокая овца, но потом она залаяла, отступая, и превратилась в Руфа — Руфа свирепого, рычащего, со вздыбленной шерстью — и залитым кровью боком. Джо побежал к нему, зовя обратно, и тогда уже увидел медведицу и застыл как вкопанный. Медведица вышла на свет из-под деревьев, поднялась на задние лапы и повела носом, принюхиваясь. Руф не отступал, он весь трясся от ярости и всё продолжал лаять.

Джо раньше никогда не бывал так близко к медведю — да и вообще до сих пор видел только медвежью шкуру, висящую на стене кафе. Стоя на задних лапах, медведица оказалась ростом со взрослого мужчину; шерсть у неё была кремово-бурая, нос чёрный. Джо не чуял ног, не находил собственного голоса — и не мог ни закричать, ни убежать. Он стоял замороженный, не в силах отвести взгляд от медведицы. Перепуганная овца врезалась в него и сбила с ног. Тогда Джо вскочил и, даже не оглянувшись, понёсся вниз, к деревне. Он мчался по склонам, размахивая руками, чтобы удержать равновесие, несколько раз падал, и катился, и снова

поднимался — но, как только набирал скорость, ноги снова убегали из-под него. И тогда достаточно было торчащего камня или травяной кочки, чтобы он снова покатился кубарем. Весь в синяках и ссадинах, Джо вылетел на тропу, ведущую к деревне, и продолжал бежать, запрокинув голову, едва успевая переставлять ноги, вопя, когда хватало дыхания.

К тому времени как он добрался до деревни — никогда ещё это не бывало так долго, — ему не хватало воздуха, чтобы выпалить больше одного слова, но и одного было достаточно. «Медве!..» — крикнул он и закончил едва слышно: «...дица!», указывая на горы, но ему пришлось повторить это несколько раз, прежде чем люди поняли — или, может быть, поверили. Тогда мать схватила его за плечи и постаралась, чтобы её было слышно громче, чем толпу, гудящую вокруг:

— Ты сам как, Джо? Ты ранен?

— Руф, мам, он весь в крови, — выдохнул Джо.

— Овцы, — выкрикнул дедушка, — что с овцами?

Он помотал головой:

— Не знаю. Я не знаю.

Месье Сартоль, отец Юбера и мэр деревни уже столько лет, сколько Джо прожил на свете, громогласно пытался всех организовать, но на него никто не обращал внимания — люди разошлись за ружьями и собаками. Через несколько минут они опять собрались на Площади, некоторые верхом, но большинство — пешие. Тех детей, которых удалось поймать, заперли по домам, оставив на попечении бабушек, матерей или тёток; но многие ускользнули от ловцов и разбежались незамеченными по узким улочкам, чтобы присоединиться к охотничьей партии, как только она выйдет из деревни. Медвежья охота случалась раз в жизни, и пропустить её было никак невозможно. Джо умолял дедушку, чтобы ему тоже позволили пойти, но тот не мог ему помочь: мама и слышать об этом не хотела. У Джо текла кровь из носа и разбитого колена, так что, несмотря на все протесты, его уволокли домой, чтобы промыть и перевязать раны. Кристина, маленькая сестричка, смотрела на брата во все глаза, пока мама вытирала кровь.

— Где медведь, Джо? — спросила Кристина. — Где медведь?

Мама всё говорила, что он бледный, как привидение, и ему надо пойти лечь. Джо последний раз воззвал к дедушке, но тот только с гордостью взъерошил внуку волосы, взял из угла комнаты охотничье ружьё и ушёл вместе со всеми на медвежью охоту.

— Он был большой, Джо? — дёргала его за руку Кристина. Она прямо-таки лопалась от вопросов. Игнорировать Кристину или её вопросы не получалось никогда: она просто не давала этого сделать. — Большой, как Юбер? — И она вытянула руки вверх, насколько могла.

— Больше, — ответил Джо.

Всего перевязанного, словно раненого солдата, его увели наверх, в спальню, и засунули под одеяла. Джо лежал, только пока мама не вышла из комнаты, а затем вскочил с кровати и подбежал к окну. Ему не было видно ничего, кроме узких деревенских улочек и серых крыш, и за колокольней — лишь далёкие очертания щербатых горных вершин, кое-где ещё белых от зимнего снега.

Улицы словно вымерли, только священник, отец Лазаль, спешил куда-то мимо, придерживая шляпу, чтобы не сдуло.

Весь день Джо наблюдал за облаками, спускавшимися с гор и потихоньку поглощавшими долину. Сразу после того, как церковный колокол пробил пять, он услышал где-то далеко лай и почти сразу — несколько выстрелов, эхом разнёсшихся по горам, и над деревней повисла неуютная тишина.

Через полчаса Джо уже был на Площади, вместе со всеми глазами на триумфальную процессию, текущую по извилистым улочкам. Дедушка шёл первым, Юбер вприпрыжку скакал рядом.

— Мы её прикончили, — вопил дедушка, — прикончили! Помоги-ка, Юбер, нам тут нужны твои руки.

Они вместе исчезли в кафе, а потом вынесли оттуда каждый по два стула и поставили их перед памятником жертвам прошлой войны.

На Площади появилась медведица — обмякшая после смерти, с вываленным языком, с которого капала кровь, — четверо

мужчин принесли её на двух длинных шестах и положили на стулья, так что ноги свисали по бокам, а нос упирался в спинку. Джо везде высматривал Руфа, но не мог его найти. Он спросил дедушку, видел ли тот пса, но дедушка, как и все, был слишком занят: рассказывал и пересказывал историю об охоте, а потом позировал для фотографии. Почётную должность фотографа занимал бакалейщик Арман Жолле — и медведицу на самом деле, похоже, тоже застрелил он. Его круглое лицо покраснело от гордости и приятного волнения, и он всё крикливо повторял:

— В двухстах метрах я был, вот так, и попал ему прямо промеж глаз.

— Это она, — заметил отец Лазаль, наклоняясь над тушей.

— Да какая разница? — возмутился Арман Жолле. — Он или она, а шкура стоит целое состояние.

Праздник, последовавший за охотничьей фотографией, вдруг заставил всех позабыть о войне. Даже Мари, молодая вдова кузена Жана, смеялась вместе со всеми на волне всеобщей радости и облегчения. Юбер хло-

пал в ладоши и скакал по всей Площади, выделывая курбеты, словно дикарь. Он делал вид, что встаёт на задние лапы, как медведь, и ревел, гоняясь по улицам за визжащими ребятами, вопя: «Ррро-аррр!» Джо посмотрел на лежащую перед ним медведицу и погладил её по спине. Шерсть была длинная, густая и мягкая, тело тёплое, будто из него ещё не ушла вся жизнь. Кровь с медвежьего носа капнула Джо на башмак, и его внезапно замутило. Он хотел уже убежать, однако месье Сартоль приобнял его за плечи и стал призывать всех к тишине.

— А вот и наш паренёк, — провозгласил он. — Без Джо Лаланда не было бы никакой медведицы. Это первый медведь, которого мы пристрелили в Лескёне за больше чем двадцать пять лет.

— Тридцать, — поправил отец Лазаль.

Мэр продолжал:

— Бог знает, сколько наших овец она убила. Нам есть за что поблагодарить паренька. — Джо увидел мамины глаза, улыбающиеся ему из толпы, но не мог улыбнуться в ответ. Мэр поднял стакан — кажется, поч-

ти у всех в руках уже были стаканы. — Итак, за Джо, за медведицу, и к чёрту бошей!

— Да здравствует медведица! — выкрикнул кто-то, и всеобщий смех эхом раскатился над головой Джо. Он больше не мог этого выносить — рванулся и побежал, не слушая маминых окриков и призывов вернуться.

До речи мэра он не задумывался о своей роли в произошедшем. Медведица лежала мёртвая, распростёртая на стульях посреди Площади, и теперь он понял, что всё это его рук дело. А Руф, наверное, сейчас там, в горах, валяется с разодранным горлом. И ничего этого бы не случилось, если бы он, Джо, не заснул.

Он бегом бежал всю дорогу до овечьих пастбищ и ещё немного вверх, к деревьям. Стоя там, он звал и звал Руфа, пока не охрип, но отвечали ему только вороны. Джо загнал слёзы обратно и постарался успокоиться, вспомнить то место, где в последний раз видел Руфа. Он позвал ещё раз, посвистел, но облака будто впитывали отзвуки эха. Джо запрокинул голову: над полосой деревьев больше не было видно гор — только пелена

густого тумана. Всё стихло — ни шепотка ветра. Джо увидел то место, где бродили овцы: там в коре деревьев застряли клочья шерсти, на земле валялся помёт и повсюду виднелись следы. А потом он заметил кровь — наверное, Руфову: россыпь бурых пятен на древесном корне.

Джо не мог разобраться, что это он такое слышит, — во всяком случае, поначалу. Он подумал, так может кричать невидимый канюк, летящий среди облаков, но потом звук повторился, и Джо понял, что это: собачье поскуливание — тоненькое и далёкое, но вполне узнаваемое. Он снова позвал Руфа и полез вверх — для бега там было слишком круто. Он подлезал под низко висящими ветвями, перебирался через поваленные деревья, всё время покрикивая: «Я иду, Руф, иду».

Теперь поскуливание перемежалось странным неравномерным рычанием, совершенно не похожим на всё, что Джо когда-либо слышал. Он нашёл Руфа куда скорее, чем ожидал, — заметил его между деревьями: пёс сидел неподвижно, будто окаменел, наклонив голову, словно вынюхивал след, и даже

не повернулся посмотреть, когда Джо вылетел на поляну позади него. Похоже, он пристально наблюдал за чем-то в створе небольшой пещерки — за чем-то бурым и маленьким; и теперь оно пошевелилось и оказалось медвежонком. Бедняга сидел в тени и махал на Руфа передней лапой. Джо присел и положил руку на шею Руфа. Руф поднял к нему морду, подвывая от возбуждения, потом облизнулся и снова устался на медвежонка, чуть подрагивая всем телом от напряжения. Медвежонок отполз дальше по стенке пещеры, расставил ноги и зарычал. Хотя вряд ли это можно было назвать рычанием — скорее голодным нытьём, плачем о помощи, зовом матери. «Они убьют его, Руф, — прошептал Джо. — Если узнают про него, то пойдут на охоту и убьют, как и его мать». Всё так же глядя на медвежонка, он погладил Руфа по шее. Шерсть была свалывшейся и мокрой на ощупь — словно кровь, — но, когда Джо взглянул на пса, на нём не было ни буро-го пятнышка.

Вдруг Руф вскочил, развернулся, вздыбил шерсть, в горле его зарокотало рычание. Джо обернулся. Под деревьями на краю по-

ляны стоял человек в грязном чёрном пальто и выдавшей виды обвисшей шляпе. Они смотрели друг на друга. Руф перестал рычать, и его хвост заходил из стороны в сторону.

— Опять всего лишь я, — сказал человек, выходя из-под деревьев к ним. Даже вместе со шляпой он был невысок, и, когда подошёл поближе, Джо увидел, что выглядит он почти как измождённый, седой старик, хотя борода ржаво-рыжая, без единого следа седины. В одной руке незнакомец держал винную бутылку, а в другой палку.

— Молоко, — сказал он, показывая бутылку. Руф принялся обнюхивать её, и человек засмеялся: — Не для тебя. — И потрепал Руфа по голове. — Для мальчика. С голоду умирает совсем. Можешь мою палку подержать пока? — спросил он Джо. — Мы же не хотим его напугать, так? — Он вручил Джо и шляпу и снял пальто. — Я всё видел, знаешь ли. И видел, как ты бежал. Твой пёс? — (Джо кивнул.) — Как тигр дерётся, а? Такая медведица может голову на раз снести — только лапой махнёт, и всё. Повезло ему — вот что скажу. Она ему только ухо порвала,

М 79

Морпурго М.

В ожидании Ани : роман / Майкл Морпурго ; пер. с англ. А. Олефир. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-389-17262-3

Автор более сотни книг, Майкл Морпурго живёт на тихой ферме в Девоне и, по собственному признанию, прежде чем перенести свои истории на бумагу, рассказывает их своим лошадям и собакам. Ведь в большинстве его книг животным отведена очень важная роль. Делая их героями своих приключенческих произведений, автор говорит о беззащитной красоте и хрупкости мира, его зависимости от человеческого участия и сострадания. Каждой своей историей Майкл Морпурго утверждает, что подлинная человечность держится на двух столпах — милосердии и силе духа. Этот гуманистический посыл пронизывает все книги писателя, продолжая традиции великой английской литературы, заложенные Диккенсом и Киплингом.

До того как началась война, весь мир Джо Лаланда ограничивался пределами родной горной деревушки на севере Франции, в коммуне Лескён. Но и в этом маленьком мире, как в капле воды, отразилась чудовищная катастрофа, накрывшая весь мир. Отец Джо ушёл на фронт, и счастливая пасторальная жизнь закончилась, хотя внешне почти не изменилась. Джо по-прежнему каждое утро выгонял овец на пастбище и пас отару с помощью верного Руфа — огромной пиренейской овчарки. Но однажды мальчик встретил в лесу таинственного незнакомца. Бенжамин помогал переправлять евреев через границу в Испанию, а сам скрывался в Лескёне от нацистов, в ожидании своей дочери Ани...

В основу романа легли реальные события времён Второй мировой войны, и мы сможем увидеть их воплощение на большом экране — одноимённая драма вышла в прокат в начале 2020 года. Среди исполнителей главных ролей — известный всем Жан Рено и восходящая американская звезда Ноа Шнапп.

УДК 087.5

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

МАЙКЛ МОРПУРГО

В ОЖИДАНИИ АНИ

Ответственный редактор *Анна Гулявцева*

Редактор *Наталия Сулова*

Художественный редактор *Татьяна Павлова*

Технический редактор *Валентин Бердник*

Корректоры *Мария Левина, Елена Шнитникова*

Компьютерная верстка *Валентина Бердникова*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —

обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

в Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 29.09.2020. Формат издания 84×108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 3000 экз. Заказ №

Дата изготовления 20.10.2020.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru

C-DKB-25777-01-R